

В память о профессоре Петре Викторовиче Морозове

doi: 10.17816/CP214

Биография

В этом некрологе мы хотим почтить память нашего дорогого коллеги профессора Петра Викторовича Морозова, который ушел из жизни 17 июля 2022 года. Смерть профессора Морозова стала тяжелой утратой для профессионального сообщества. Мы лишились всемирно известного специалиста в области психиатрии, занимавшего различные ответственные должности в профессиональных ассоциациях. Генеральный секретарь Всемирной психиатрической ассоциации (WPA), вице-президент Российского общества психиатров, посол Европейского колледжа нейропсихофармакологии (ECNP) в России, эксперт Совета Европы, член Совета европейской психиатрической ассоциации, куратор академии для молодых ученых ВПА–Сервье (*WPA–Servier Academy*) — лишь несколько из недавно занимаемых им постов.

Профессор Морозов был выдающейся личностью, и в некрологе мы стремились подчеркнуть некоторые особые черты его характера. Для этого мы собрали истории тех, кто знал его лично и тесно с ним работал. В конце концов, в каком-то смысле мы состоим из восприятия нас другими людьми и остаемся живы в воспоминаниях тех, кто нас знал.

Мы попросили членов редколлегии журнала, коллег профессора Морозова, молодых психиатров и детей Петра Викторовича прислать нам свои воспоминания о нем. Мы надеемся, что эти истории помогут возродить хотя бы некоторые его черты и сохранить память о его делах.

Георгий Петрович Костюк

д.м.н., профессор, главный врач ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы», главный редактор журнала Consortium Psychiatricum, Москва, Россия

Мой трудовой путь в Москве начинался с больницы им. П.Б. Ганнушкина, и именно фигура этого выдающегося отечественного психиатра нас сблизила и даже подружила с Петром Викторовичем, который

*Профессор Петр Викторович Морозов
09.12.1946–17.07.2022*

был очень большим его поклонником. Тогда я работал над созданием музея: в больнице было очень много несистематизированных материалов. И Петр Викторович включился в этот процесс со всем энтузиазмом, что было ему свойственно, когда он брался за что-то действительно интересное для него. Он использовал материалы из своих личных архивов, и итогом нашей совместной работы стал музей в больнице Ганнушкина. Но не только. Мы выиграли тендер Министерства культуры РФ на создание документаль-

ного фильма, и фильм этот тоже был посвящен Петру Борисовичу Ганнушкину. Петр Викторович по моей просьбе выступил главным консультантом во время работы над фильмом. Этот период оставил у меня самые теплые воспоминания.

Меня не переставала удивлять широта его кругозора, знание деталей, а самое главное, наверное, его настоящая любовь к этому человеку. Уж если он кого-то полюбил, то умел этим жить, это было по-настоящему. Потом Петр Викторович переименовал свой журнал в журнал имени Ганнушкина. Эта тема и эта личность Петра Борисовича красной нитью проходили через наше общение и наши отношения, связывали нас. Конечно, это только один из фрагментов, за эти годы было очень много взаимодействия, сотрудничества по разным направлениям, но самые яркие воспоминания и впечатления, как правило, — первые, и первое мое знакомство с Петром Викторовичем связано с Петром Борисовичем Ганнушкиным.

А унаследовал он это преклонение, в хорошем смысле слова, перед Ганнушкиным от своего

отца, Виктора Михайловича Морозова. Он был не прямым, но все же учеником Ганнушкина, слушал его лекции.

Меня всегда восхищало отношение Петра Викторовича к отцу и то, как он сумел привить своим детям такое же отношение к деду.

Дело в том, что Виктор Михайлович (а это уже связано с моей работой в другой больнице, больнице имени Алексеева) большую часть своей психиатрической профессиональной карьеры провел в стенах этой больницы, когда она еще носила имя Петра Петровича Кащенко, и Петр Викторович тоже в силу этих обстоятельств провел там очень много времени в детские годы. Учеба во втором медицинском тоже была связана с этой больницей, ну и последующее становление как психиатра не обходилось без больницы имени Кащенко. Так вот, Петр Викторович предложил рассмотреть возможность установить барельеф Виктора Михайловича. Он заказал его на собственные средства, и каждый год 29 октября, в день рождения Виктора Михайловича, у этого памятника

П.В. Морозов, Г.П. Костюк, Анна Морозова и Денис Морозов © Пресс-служба ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы»

от Петра Викторовича и его детей всегда были живые цветы. Я думаю, эта традиция будет продолжена и после ухода из жизни самого Петра Викторовича.

Уважение к учителям, к родителям, которые были учителями не только по жизни, но и по специальности, — еще одна из замечательных черт Петра Викторовича, важный пример для тех молодых психиатров, которые его окружали. Я уверен, что Петру Викторовичу, благодаря своей потрясающей коммуникабельности, невероятно доброму отношению к молодым психиатрам, удалось передать им эти прекрасные качества.

Анатолий Болеславович Смулевич

д.м.н., профессор, академик РАН, заведующий кафедрой психиатрии и психосоматики ФППОВ ПМГМУ им. И.М. Сеченова, Москва, Россия

ПАМЯТИ ПЕТРА ВИКТОРОВИЧА МОРОЗОВА

Петр Викторович Морозов происходит из семьи высокоодаренных людей. Дед и отец стали членами Академии медицинских наук СССР, серьезно повлияли на формирование взглядов нескольких поколений врачей.

Масштабы общественной и научной деятельности профессора Петра Викторовича Морозова в области психиатрии и организации психиатрической науки трудно переоценить — они не ограничивались территорией РФ, но получили широкое признание и в зарубежных странах.

Петр Викторович Морозов был вице-президентом Российского общества психиатров, генеральным секретарем Всемирной психиатрической ассоциации, профессором кафедры психиатрии ФДПО РНИМУ им. Н. И. Пирогова и кафедры психиатрии ФГБУ ДПО «ЦГМА».

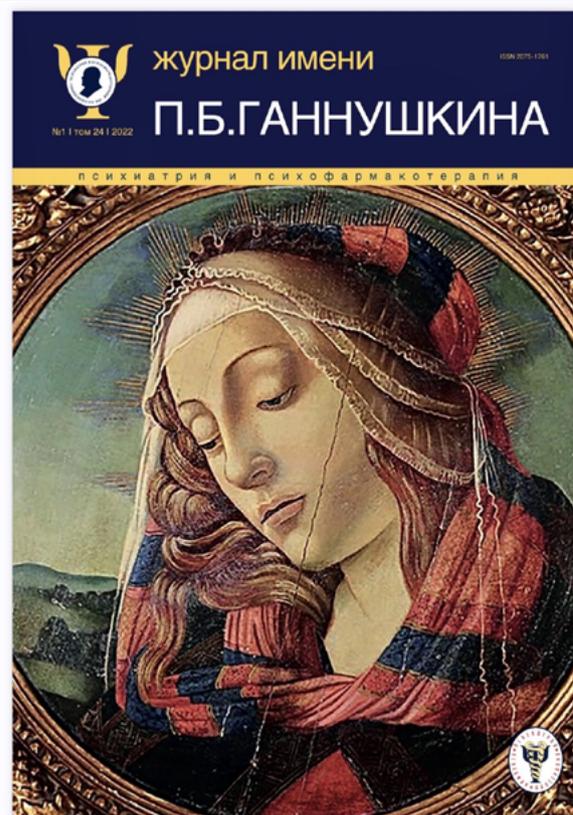
Очень многие замыслы он реализовывал через резонансные проекты, которые позволяли привлекать самых разных специалистов из разных поколений, соединять лидеров и коллективы творческой молодежи.

Ниже я хотел бы остановиться на наиболее аутентичной стороне Петра Викторовича — его издательской и публицистической деятельности. Он хорошо понимал возможности печати в бумажной или цифровой форме. Пробелы знаний по вопросам психиатрии он заполнял как издатель, редактор и автор.

Петр Викторович был основателем и главным редактором Журнала «Психиатрия и психофармакотерапия» им. П.Б. Ганнушкина, научно-публицистического издания «Дневник психиатра». В любом журнальном номере находил отражение передовой опыт, который обсуждался аналитически, критически, присутствовали сильные неоднозначные публикации и авторы, отражающие широкий спектр тем в психиатрии, мнения по которым расходятся. Петр Викторович словом и делом помогал становлению нашего журнала «Психические расстройства в общей медицине». Наряду с сугубо научной он разрабатывал научно-популярную линию, включая «Дневник психиатра», который развивал научную публицистику. Желательно, чтобы его любимые детища попали в умные надежные руки, так как они уже имеют свою миссию.

Как автор П.В. Морозов выпустил 10 книг, 250 отечественных и зарубежных публикаций, входил в состав авторов нескольких изданий (2009–2018) Национального руководства по психиатрии.

Петр Викторович Морозов — признанный авторитет в области истории отечественной и зарубежной

Журнал «Психиатрия и психофармакотерапия» им. П.Б. Ганнушкина выпуск 1, том 24, 2022

психиатрии, автор «Антологии избранных текстов отечественных психиатров», монографии «Титаны психиатрии XX столетия». Целый ряд публикаций П.В. Морозова содержит анализ научной деятельности выдающихся отечественных (В.Х. Кандинский, В.П. Сербский, П.Б. Ганнушкин, В.М. Морозов и др.) и зарубежных (Карл Бонгоффер, Освальд Бумке, Пьер Деникер и др.) психиатров.

Исследования П.В. Морозова в области клинической психиатрии посвящены наиболее сложным, узловым, проблемам психопатологии и нозологического разграничения психических заболеваний. Среди них: Клинико-катамнестическое исследование «Юношеская шизофрения с дисморфобическими расстройствами»; «История и клинические особенности синдрома Кандинского–Клерамбо»; «Диагностика и терапия биполярного аффективного и посттравматического стрессового расстройства».

Ряд работ П.В. Морозова посвящен классификациям психических заболеваний, роли культуральных факторов в формировании этих классификаций, организации психиатрической помощи, проблемам профилактики психических заболеваний, а также этическим аспектам психиатрии.

Труды П.В. Морозова в области психофармакологии и фармакотерапии в обобщенном виде представлены в монографиях «Практическая психофармакотерапия психических заболеваний» (2021) и «Современные психотропные средства, используемые в психиатрии» (2022). Ряд публикаций посвящен разработке методов терапии психических заболеваний (шизофрения, аффективные, психосоматические, тревожно-фобические, обсессивно-компульсивные расстройства). Большое место уделено в трудах П.В. Морозова таким актуальным проблемам применения психотропных средств, как приверженность терапии, преимущества раннего терапевтического вмешательства, использования пролонгированных форм психофармакологических препаратов.

Большой раздел в публикациях профессора П.В. Морозова занимают актуальные на сегодня проблемы распространенности, клиники и методов психофармакотерапии психических расстройств, связанных с пандемией COVID-19. При этом рассматриваются психопатологическая структура психоневрологических осложнений, составляющих постковидный синдром, а также пути купирования этих расстройств.

Можно с уверенностью сказать, что дела и многие труды П.В. Морозова найдут почетное место в анналах отечественной психиатрии. Останется память о Петре Викторовиче, как о человеке высоко интеллектуальном, широко образованном, способном трезво оценить сложную ситуацию, неизменно доброжелательном и эмоционально вовлеченном, глубоко порядочном и обязательном, всегда готовом помочь не только словом, но и делом, останется в сердцах тех, кто лично знал Петра Викторовича — его друзей и коллег.

Мишель Ботболь

Секретарь Всемирной психиатрической ассоциации по вопросам научных публикаций, почетный профессор детской и подростковой психиатрии Университета Западной Бретани, Брест, Франция

В ПАМЯТЬ О НАШЕМ ДРУГЕ ПЕТРЕ МОРОЗОВЕ

Любой французский психиатр, говоря о российской психиатрии, в первую очередь вспоминает Петра Морозова, его элегантную манеру говорить по-французски и редкую способность понимать наш образ мышления без лишних слов. Именно поэтому так сложно принять известие о том, что его с нами больше нет, что у нас никогда больше не будет возможности отпраздновать в его душевной компании какое-нибудь важное событие.

Мы с ним познакомились на Московском конгрессе Психиатрической ассоциации Восточной Европы и Балкан, куда он прибыл, чтобы повидаться с нашим общим другом — президентом Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА) Хуаном Меззичем (Juan Mezzich). Но еще до этого я слышал о нем много хорошего: Хуан в подробностях описывал, как Петр добивался того, чтобы Российское общество психиатров снова приняли во Всемирную психиатрическую ассоциацию, спустя несколько лет после ее ухода в 1977 году. Этот шаг был необходим для проведения реформы российской психиатрии, которая стала возможной после изменения в стране политической ситуации. Все психиатры моего поколения очень остро переживали это событие, потому что для психиатрии и, в частности, ВПА — это был момент вовлеченности в глобальные исторические процессы, и мы все хорошо понимали его важность.

Фотография со встречи 1988 г., на которой запечатлен П.В. Морозов с профессором Н.Бохачеком (Загреб), профессором Шэнь Ю Тсун (Пекин), доктором Л. Прилипко (в то время в Женеве), доктором К. Стефанисом (Афины), П. Чанойт (Париж) и доктором М.Вартаняном (Москва) © Фото из личного архива профессора Нормана Сарториуса

Мне не раз приходилось убеждаться не только в том, насколько обходительный и порядочный это был человек, но и в том, насколько мудрые и взвешенные решения он принимал. Неудивительно, что ему удалось расположить к себе тех, кто по той или иной причине изначально выступал против изменений.

С чувством глубокой признательности вспоминаю наше многолетнее сотрудничество в совете ВПА, в котором мы состояли как представители от своих регионов.

Как и мои франкоговорящие коллеги, я восхищался его профессионализмом и энциклопедическими знаниями в области истории психиатрии не только России и Франции, но и других регионов мира.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что все мы его глубоко уважали и во время выборов на должность в Исполнительном комитете ВПА проявили редкое единодушие при голосовании за его кандидату-

ру. Позже мне еще раз предоставилась возможность с ним поработать (хоть и недолго), когда он стал генеральным секретарем ассоциации, — миссия, которой он полностью себя посвящал. Не существует слов, которые могли бы передать атмосферу доброжелательности, царившую в Исполнительном комитете благодаря его присутствию.

Приношу всей его семье и, в особенности, его сыну Денису, который тоже говорит по-французски, мои искренние соболезнования. От своего имени и по просьбе французских психиатрических ассоциаций также хотел бы выразить наши глубочайшие сожаления коллегам из России и других стран Восточной Европы, интересы которых во Всемирной психиатрической ассоциации Петр Морозов представлял и для которых его кончина стала особенно тяжелым испытанием в такие трудные для всех нас времена.

Николай Александрович Бохан

д.м.н., профессор, академик РАН, директор НИИ психического здоровья Томского НИМЦ, Томск, Россия

Ирина Евгеньевна Куприянова

д.м.н., профессор, ведущий научный сотрудник отделения пограничных состояний НИИ психического здоровья Томского НИМЦ, Томск, Россия

П.В. МОРОЗОВ В ПАМЯТИ СИБИРСКИХ ПСИХИАТРОВ

Петр Викторович Морозов... Столько тепла, позитивных эмоций излучал этот человек. Он поражал всех своими талантами, искренним дружелюбием, неподдельной демократичностью. Многосторонние интересы не разменивали его личность, а только обогащали. Чтобы он ни делал, чем бы ни увлекался, делал все с перфекционизмом, максимальной требовательностью, прежде всего к себе. Он всегда был в авангарде — развитие новых стратегий биологической психиатрии в России, психофармакологические исследования, формирование новых медийных проектов в психиатрии, увлечение транскультуральной психиатрией.

Большая дружба связывала Петра Викторовича с сибирскими учеными, не только с психиатрами, но и кардиологами, фармакологами, генетиками. Всегда было много точек соприкосновения научных интересов. Зоной «искрящихся контактов» была транскультуральная психиатрия. Томские ученые на базе НИИ психического здоровья ТНИМЦ создали международную ассоциацию этнопсихологов и этнопсихотерапевтов, которая вошла аффилированным членом в Всемирную психиатрическую ассоциацию и Всемирную ассоциацию культуральной психиатрии, была создана секция «Этнопсихиатрия» в структуре РОП. Петр Викторович для оптимизации транскультурального направления основной акцент сделал на образовательном модуле. Благодаря своим тесным связям с иностранными учеными, в России были проведены конференции и семинары ведущих мировых ученых, таких как Марианне Каструп (Дания), Ренато Аларкон (США). Несомненно, на это оказала большое влияние работа в отделе психического здоровья ВОЗ и блестящее владение многими европейскими языками. Ему принадлежит большая заслуга в развитии процессов интеграции транскультуральных исследований, проводимых в Белоруссии,

Фотография сотрудников Отдела психического здоровья ВОЗ, включая П.В. Морозова, 1985

© Фото из личного архива профессора Нормана Сарториуса

Украине, Республиках Закавказья и Средней Азии. Симпозиумы с участием ученых бывших союзных республик привлекали большое внимание участников конгрессов Всемирной психиатрической ассоциации. Большим прорывом в интеграции российской и западной психиатрии был выпуск журнала «Всемирная психиатрия», который вышел в редакции экс-президента ВПА Марио Мея и Петра Морозова.

Как вице-президент Российского общества психиатров П.В. Морозов принял участие в разработке и реализации международных транскультуральных проектов между РОП и зарубежными психиатрическими ассоциациями. Не менее плодотворной деятельностью была работа Петра Викторовича в качестве члена правления и представителя Всемирной психиатрической ассоциации по Восточной Европе. Интеллигентность, высокая эрудиция, аристократизм, удивительная работоспособность Петра Викторовича снискали достойное уважение среди зарубежных коллег и формировали новое представление о российских ученых. Формальные научные интересы быстро перерастали в удивительные дружеские отношения, которые длились десятилетиями. Председатель Европейской ассоциации Данута Вассерман (Швеция) любила обсуждать с Петром Морозовым актуальные проблемы психиатрии на ее родном польском языке. Зарубежные коллеги доверили ему весьма ответственные посты — быть послом Европейской коллегии нейропсихиатрической в России и генеральным секретарем Всемирной психиатрической ассоциации.

Но еще важной стратегией его работы был поиск молодых талантов, будущих «звезд», особенно из региональных вузов. Он был постоянным участником школ молодых психиатров в Суздале. Многие молодые психиатры, благодаря магическому влиянию П.В. Морозова, задумались о научной карьере, начали основательно изучать иностранные языки.

Есть люди, гуманитарный склад характера и пассионарность которых влияет на круговращение и развитие новых орбит человеческой жизни на Земле. Их неумная энергия, жажда познания нового, неиссякаемая креативность заставляют каждого быть лучше, стремиться вперед к новым достижениям. Таким был ПЕТР МОРОЗОВ — ПОЭТ, МУЗЫКАНТ, УЧЕНЫЙ, ГРАЖДАНИН МИРА.

Егор Максимович Чумаков

*к.м.н., доцент кафедры психиатрии и наркологии
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет», секретарь Комиссии по работе
с молодыми учеными и специалистами, Санкт-
Петербург, Россия*

Я думаю, вряд ли можно найти человека, лично знакомого с Петром Викторовичем Морозовым, у которого нет интересной и вдохновляющей истории, связанной с ним. Я хочу поделиться историей, связанной одновременно с международной научной деятельностью Петра Викторовича, и с его ролью в становлении молодых психиатров в России и в мире.

В 2019 году я был приглашен организаторами *19th World Congress of Psychiatry* принять участие в новой образовательной сессии, посвященной трудным клиническим случаям в практике начинающих карьеру психиатров. Ключевой идеей сессии было представление на обсуждение молодым психиатром клинического случая, интересного международной аудитории, для широкого обсуждения и демонстрации уникального регионального опыта. Всего на том Конгрессе было 4 таких сессии с представителями разных стран. Приглашенным экспертом из России выступил профессор Морозов, и я был рад, что он согласился поддержать мою кандидатуру.

Процесс подготовки к этой сессии был очень волнителен. Для меня это был новый опыт не научного, но клинического выступления на международном фо-

П.В. Морозов и Е.М. Чумаков

© Фото из личного архива Е.М. Чумакова

руме. Но Петр Викторович помогал и поддерживал меня на всех этапах, давая мудрые советы и посвящая в нюансы «номенклатурных» правил. Не один час мы провели в телефонных переговорах, пока выбирали такой клинический случай, который с одной стороны бы показал актуальную проблему в клинической психиатрии, понятную международной аудитории, а с другой — продемонстрировал бы особенности клинического мышления в России и подходы к диагностике психических расстройств. Мы остановились на случае молодой девушки, получавшей лечение в дневном стационаре в Санкт-Петербурге, с активным самоповреждающим поведением и дифференциальной диагностикой между расстройством шизофренического спектра, аффективным расстройством и пограничным расстройством личности. И Петр Викторович оказался, конечно, прав, потому что эта пациентка вызвала большую дискуссию. Даже после окончания сессии ко мне подходили психиатры из Австралии, Канады, Туниса и других стран, предлагавшие свои идеи того, в каком направлении можно двигаться в понимании психопатологической симптоматики и тактики лечения.

Но больше всего с этой сессии мне запомнилось выступление Петра Викторовича, который должен был дать комментарий как умудренный опытом психиатр, и он его дал! Его комментарий был настолько весом, что звучал уместно бы даже в рамках пленарного заседания. Участники сессии услышали краткую лекцию с отсылками к истории, культуре, классическому пониманию психопатологии, динамике психических расстройств, и тем трудностям диагностики, с которыми психиатры сталкиваются при манифесте психических расстройств в подростковом, молодом и взрослом возрасте. И как жаль, что дистанционное участие в конференциях в том году еще не было внедрено, и так сравнительно мало людей (в масштабах психиатрического сообщества) слышали его выступление. Эта сессия получила положительные оценки и была внедрена в дальнейшем на постоянной основе в программу ежегодных конгрессов Всемирной психиатрической ассоциации, и я рад, что в этом есть и наша с Петром Викторовичем заслуга.

Во многом это выступление и та обратная связь, которую я получил, дали мне толчок и вектор дальнейшего профессионального развития в стремлении лучше понять механизмы, лежащие в основе форми-

рования расстройств личности. Но также та обратная связь, которую я получил от экспертов и участников сессии, позволила взглянуть на вопросы диагностики психических расстройств «с другого угла», лучше узнать логику клинического мышления западных специалистов и коллег из Азии и Африки. Я очень благодарен Петру Викторовичу за этот опыт совместной работы.

Алексей Викторович Павличенко

к.м.н., старший преподаватель, ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы», Москва, Россия

Мое знакомство с Петром Викторовичем началось в 2010 году, когда я хотел опубликовать важную для меня статью именно в его журнале «Психиатрия и психофармакотерапия» им. П.Б. Ганнушкина, так как этот журнал мне представлялся наиболее читаемым среди русскоязычных психиатров. По опыту публикаций в других изданиях, я ожидал, что процесс затянется на длительный срок. Какое же было мое удивление, когда буквально через два-три дня мне позвонил сам Петр Викторович, и мы с ним проговорили около часа, а сама статья была опубликована уже через полтора месяца. С тех пор началось наше тесное общение. Во время личного знакомства спустя какое-то время у меня сразу же возникло чувство, что я знаю его уже много лет, что он как будто мой ровесник, несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте. Это удивительное сочетание близости, отсутствия дистанции и, одновременно, уважения к собеседнику любого возраста, национальности и уровня образования было важной чертой его личности, за которую его любили психиатры всего мира. Петр Викторович мог начать беседу с таксистом из Барселоны, экскурсоводом музея Фрейда в Вене или генетиком из Амстердама и с каждым из них он демонстрировал глубокие знания в обсуждаемой области и неподдельный интерес к собеседнику. Наблюдая за ним, я часто вспоминал известную фразу из христианской притчи: «Мудрец относится к каждому встречному как к учителю». Однако он не любил, когда его самого называли учителем, был абсолютно лишен надменности и высокомерия, а уважали его не за высокие должност-

сти, а за эрудицию, глубокие знания и желание щедро ими делиться с любым, кто этого захочет. Многие лекции Петра Викторовича были уникальны и неповторимы. Было бессмысленно фотографировать его слайды или просить у него презентацию, так как, помимо важной информации, они часто несли огромный просветительский и гуманистический посыл. Его выступления завораживали даже людей, не имеющих отношение к нашей специальности, да и я сам нередко во время его лекций испытывал чувства, близкие к религиозному экстазу. На определенном этапе моей жизни Петр Викторович открыл мне международный психиатрический мир, познакомил с выдающимися психиатрами разных стран, заразил меня энтузиазмом к поиску нового в психиатрии, и, как он сам говорил, бескорыстной тяге к знаниям, которые я наблюдал у него до последних дней его жизни. Помню, что буквально за несколько недель до смерти, после прослушанной лекции известного немецкого психиатра он мне позвонил, и мы долго ее обсуждали. Я часто с ним не соглашался, но я знал, что он всегда с уважением относится к моей точке зрения и позиции. Я не раз убеждался в том, что спорить с ним по любым вопросам бесполезно, так как он спорил лишь в тех случаях, если что-то знал наверняка. Хорошо зная европейские языки и обладая обширными знаниями в разных областях психиатрии, Петр Викторович, тем не менее, оставался апологетом клиничко-психопатологического подхода, а доминирующие сейчас концепции считал проявлением редукционизма, или, как он сам говорил, психиатрией Макдоналдса. С одной стороны, меня немного удивляла такая, как мне представлялась, устаревшая позиция, с другой стороны, как врач и педагог я все больше и больше осознаю, что именно этот подход дает четкие и ясные ориентиры практическому врачу и крайне важен в подготовке специалистов. Я никогда не мог понять, что же является его истинной страстью — психиатрия или искусство. Возможно, и сам Петр Викторович не знал ответа на этот вопрос, для меня же лично в своих виртуозных лекциях, уникальных проектах и замечательных книгах, посвященных выдающимся психиатрам прошлого, он был настоящим поэтом в нашей специальности и я благодарен судьбе, что она столкнула меня с этим выдающимся человеком. Уверен, что для каждого близко знавшего Петра Викторовича, был, перефразируя Марину

Цветаеву, «свой Морозов», и с его уходом каждой потерял очень близкого и родного человека, «своего» человека.

Татьяна Павловна Ключник

профессор, директор, ФГБУН «Научный центр психического здоровья», Москва, Россия

КАКИМ Я ЗНАЛА И ПОМНЮ ПЕТРА ВИКТОРОВИЧА МОРОЗОВА

Моя первая встреча Петра Викторовича произошла в ту пору, когда он был студентом 6-го курса лечебного факультета 2-го МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова. Он в составе участников музыкального ансамбля «Камертон» исполнял свои замечательные песни на празднике «Посвящение в студенты». В студенты посвящали нас, совсем еще молодых и пугливых первокурсников. От этих талантливых и обаятельных парней из «Камертона» невозможно было оторвать взгляд, они заражали своей энергией и задором, наполняли наши сердца гордостью от сопричастности к институту, в котором процветают не только медицинские таланты. Яркий образ Петра Викторовича с гитарой постоянно обновлялся на протяжении жизни: случалось, он исполнял свои новые и старые песни и на школах молодых психиатров, и во время неформальных встреч после заседаний на конференциях. Некоторые песни были очень грустные.

Петр Викторович был человеком множества талантов, при этом он никогда не подходил формально ни к делам, которым он себя посвящал, ни к просьбам коллег.

ВИА «Камертон», 1970

© Фото с сайта <https://www.rock-book.ru/>

ВИА «Камертон», 2015. Презентация альбома «Никто не похитил нашу юность»

© Фото из личного архива

Если говорить о лекциях и докладах, с которыми он выступал на конференциях, то, хотя это и были выступления в рамках профессионального интереса психиатра, в них всегда чувствовался еще и его взгляд как большого знатока и ценителя художественной литературы, музыки, театра, истории. И он заражал аудиторию невольным интересом к проблемам, которые он поднимал, а ему было тесно в рамках отведенного регламента.

Петр Викторович всегда был приветлив и доброжелателен. Меня поражала его выдающаяся способность находить контакты и дипломатические решения с людьми разного возраста, разного статуса и разных интересов, редкое умение спокойно решать иногда довольно непростые проблемы. В памяти останется чувство юмора, присущее Петру Викторовичу, шуточный тон в общении и мягкая самоирония истинного интеллигента.

Ольга Анатольевна Карпенко

*к.м.н., заведующая отделом внешних научных связей
ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 1
им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения
города Москвы», руководитель секции профилактической
психиатрии Всемирной психиатрической ассоциации,
Москва, Россия*

Косвенно с Петром Викторовичем Морозовым я познакомилась еще в детстве. Мой папа был психиатром и рассказывал мне о Суздальских школах, как об островке свободы и глотке свежего воздуха

в период советского «застоя» 80-х — там обсуждали фильм «Полет над гнездом кукушки», там выступала рок-группа «Аквариум», туда приезжал создатель хлорпромазина Пьер Деникер, там издавалась стенгазета с шутивными подписями к фотографиям, там стиралась иерархия между профессорами и молодыми психиатрами. Папа рассказывал об этом очень вдохновенно и создавалось ощущение, что психиатры умеют, что называется, создать атмосферу.

Много лет спустя возникла идея возрождения Суздальских школ, и я с удовольствием в это втянулась. Первое время Петр Викторович участвовал в организации школ дистанционно — давал советы оргкомитету по программе, по созданию неформальной атмосферы, по культурной программе. Тогда мы еще не были знакомы, но заочно я была заморожена этим человеком, поняв, что та самая атмосфера суздальских школ была его рук делом. Мне очень хотелось с ним познакомиться, но случай все не предоставлялся.

Однажды меня попросили подвезти Петра Викторовича на машине на одно из совещаний, и я подумала, что наконец-то знакомство состоится. Мы созвонились, но он очень вежливо отказался, дескать, воспитание не позволяет ему, чтобы дама возила его на машине. Этот неожиданный поворот вызвал во мне смешанные чувства — досаду, что знакомство откладывается, и восхищение его джентельменским поведением. Как я узнала уже позже, Петр Викторович всегда оставался джентльменом, это было частью его сущности, поступиться которой он не мог.

Борис Гребенщиков (Аквариум), П. В. Морозов, Андрей «Дюша» Романов (Аквариум), Суздаль, 1988

© Фото из личного архива

П.В. Морозов и команда КВН «Сборная стран бывшего Советского Союза», Суздальская школа, 2011 г.

© Фото из личного архива О. А. Карпенко

А познакомились и даже подружились мы позже. В 2011 году Петр Викторович лично принял участие в Суздальской школе и помимо всего прочего предложил новую идею культурной программы — КВН¹. Нам удалось это реализовать и Петр Викторович сам подошел ко мне знакомиться, узнав, что я была автором сценария победившей команды. С тех пор мы стали общаться. Петр Викторович меня привлекал и ко всяким научным делам, но все-таки главной темой нашего общения были творческие проекты. Перед каждой суздальской школой Петр Викторович был очень вдохновлен, звонил и делился своими идеями, «тестировал» их. Обсуждал тему КВН, пел песни под гитару, которые хотел исполнить на школе, мы тестировали конкурс частушек и хокку, сочиняя их несколько дней подряд по переписке. Все это перемежалось историями, которых всегда у Петра Викторовича было множество, идеями книг и прочими творческими планами.

Мне было очень лестно и приятно, что общение у нас складывается именно так. Ему каждый раз удавалось меня заечь, заинтересовать, спровоцировать на творчество. Последнее, что мы с ним обсуждали, это создание команды КВН профессоров для состязания с молодежью. Увы, этому не суждено было сбыться.

Последние пару лет мы с Петром Викторовичем общались и в связи с международными делами. Мы входили в международные рабочие группы, я видела, как

он себя ведет на совещаниях, училась у него дипломатии, могла обратиться к нему за советом в сложных ситуациях. Я знала, как он переживал за российскую психиатрию, за ее достойное место на международной арене и какой груз ответственности лежал на нем в связи с этим.

Незадолго до смерти Петр Викторович прислал мне поздравление с днем рождения, в котором пожелал всегда получать удовольствие от того, что я делаю. Я думаю, что секрет его успеха, его харизмы и счастливой профессиональной жизни был как раз в этом — он делал то, что ему нравится. И способствовал тому, чтобы и мы распробовали весь *fun* психиатрии.

Сергей Сергеевич Потанин

к.м.н., старший научный сотрудник лаборатории психофармакологии ФГБНУ НЦПЗ, председатель Совета молодых ученых Российского общества психиатров, Москва, Россия

Петр Викторович всегда был очень внимателен к молодым психиатрам. Именно он был главным организатором Суздальской школы, где многие мои коллеги и я сам начинали понимать современный взгляд на развитие науки в психиатрии, знакомиться с интересными людьми, участвовать в новых проектах. Международное признание Петра Викторовича позволяло приглашать в РФ значимых иностранных спикеров, которых можно было не только послушать, но и поговорить в неформальной обстановке, что для любого молодого ученого далеко не всегда возможно. Нельзя не вспомнить о личных качествах Петра Викторовича, о его открытости, дружелюбии и готовности прийти на помощь в решении сложных вопросов, готовности сотрудничать. Лично мне также очень важен его пример в плане творческого развития, отсутствия фиксации только на узкой научной или практической деятельности.

Долгое время у меня было скептическое отношение ко всем капустникам, КВН и прочим подобным сателлитам различных проектов, еще до занятий психиатрией, например, во время учебы в психотерапев-

¹ Клуб веселых и находчивых (КВН) — соревнование молодежных команд в юмористических постановках на заданную тему

тическом институте. Казалось, это что-то лишнее, отвлекающее от основной работы и даже нелепое. Но постепенно как раз таки КВН в Суздале, за который всегда стоял горой Петр Викторович, изменил мое мнение. Увидев его выступления на сцене и узнав про его собственный творческий путь, я сам в какой-то момент решил поучаствовать и для меня открылся совсем другой взгляд на творчество, как на очень важную часть саморазвития.

Я надеюсь, что мы, как молодые ученые, сможем продолжить дело Петра Викторовича, его проекты и сохраним самую светлую память об этом выдающемся человеке.

Юрий Юрьевич Осадший

Заместитель председателя СМУ РОП по работе с регионами, Волгоград, Россия

Мы познакомились с Петром Викторовичем 9 лет назад, когда я приехал на зональный конгресс WPA в Армении. Я был обычным психиатром из Волгограда, который никого не знал и на приветственном ужине искренне обрадовался приятному усатому мужчине с бейджиком *Petr Morozov Russia*, к которому я и подошел со словами: «Здравствуйте, я из Волгограда! Хочу развивать психиатрию». Петр Викторович улыбнулся, взял меня под руку и познакомил в тот вечер практически со всем исполнительным комитетом WPA, тепло представляя меня, как будто своего старого знакомого.

Он обладал талантом вызывать доверие и ощущение, того что ты говоришь со «своим» человеком. Он был «своим» среди молодежи и «нашим» среди старшего поколения. У него получалось держать баланс между креативностью и традициями, творчеством и наукой, работой и отдыхом. В нем сочетался ренессанс и рок-н-ролл. Петр Викторович пытался не дать старшему поколению «зачерстветь» и погрязнуть в рационализме, а до молодежи он пытался донести важность традиций и школы. Он объяснял и показывал мне важность всестороннего развития врача-психиатра, показывая, что одна наука не может ответить на все вопросы нашей профессии, что нужно изучать культуру, языки, философию, историю.

Принимая и поддерживая новшества, он учил защищать то, что уже создано, подчеркивая невозможность однозначной систематизации такой науки, как

психиатрия. Мы должны видеть больше, чем только симптом. Мы должны видеть человека.

Петр Викторович — человек, которому я очень благодарен!

Дарья Александровна Смирнова

к.м.н., директор Международного НОЦ нейропсихиатрии, доцент кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии, Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия

(...)

*Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.*

(...)

Я вижу, я чувствую, — чую Вас всюду!

— Что ленты от Ваших венков? —

Я Вас не забыла и Вас не забуду

Во веки веков!

*Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.*

*— Письмо в бесконечность. — Письмо
в беспредельность —*

Письмо в пустоту.

Марина Цветаева,

«Осыпались листья над Вашей могилой...»

Дорогой Петр Викторович!

ВЕРА В ЧЕЛОВЕКА. ВЕРА. ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Дочитала Вашу книгу, которую Вы мне прислали в мае, большое спасибо: «Ну и вот, наконец, и ты в это поверил. А я — в тебя. И в то, что при жизни надо стараться успеть сделать все, дабы потом не возвращаться ... уже оттуда. Об этом мы ... и говорили... И еще об анютиных глазках. Анна улыбается, у нее на глаза наворачиваются слезы» («Свихнулся век», П.В. Морозов, 2022, с. 87). Всегда так точно, глубоко, про важное, не перестаю восхищаться. Как так получается у Вас?! И всегда Вам верю. Как часто Вы были правы, даже если я пыталась не слушаться и делала по-своему — тоже очень часто. Для меня Ваши «отеческие» советы о жизни — не часто, а именно каждый раз, Вы были правы, — улыбаюсь своей сути. Училась на своих ошибках, теперь всегда спрашиваю у Вас совета, о чем угодно, даже когда мы не созваниваемся. Я так

признательна, что Вы верите в меня, даже когда я так хрупко держусь и сильно сомневаюсь.

— *Дорогой Петр Викторович, я еще не доделала главу, но скоро доделаю, совсем немного осталось, просто столько еще разной работы. Это, конечно, главный приоритет, но никак не успеваю. 24/7, все время за компьютером.*

— *Даша, Дашенька! Я разве тебя что-то спросил про главу? Звоню с другим вопросом, посоветовать-ся. Успокойся. Так, давай спокойно, Пиши, как успеешь. И, понимаешь, я верю в твою сознательность. (Вы смеетесь так душевно, что мне становится легче дышать.)*

В Вашей книге у Анны наворачиваются слезы, а на страницах книги, где встретились наши с Вами линии жизни, слезы текут у меня. Тимур Сюняков передал Вам мой букет лаванды с запиской, и сказал: «П.В. с прищуром улыбнулся. И передал - не грустить, но действовать. Анна и Денис подтвердили. Не грустить, но действовать». Я все поняла, хорошо. Работаем дальше.

МНОГО РАБОТЫ. ПОТОК ИДЕЙ. ГОРИЗОНТЫ

В этом свихнувшемся веке мы на одной международной и безграничной человеческой/человечной волне. Очень жду новой встречи, долгих разговоров в холлах, когда уже давно пора спать, веки смыкаются, а так интересно слушать — в Суздале, Барселоне, Берлине, Ницце, Буэнос-Айресе, Мюнхене, Анталье, и всюду. Знание, которое не прочитаешь в учебнике и не усвоишь на занятии. Знание, которое является как свежий прохладный бриз, касается лба, пробуждая, и подвисает в атмосфере общения — вздохах, кивках, улыбках, мимике удивления, задумчивых взглядах. «Ты знаешь, это ведь...», — произносите Вы и продолжаете так интересно, а я слушаю и слушаю дальше.

В 2010 году мы стали вместе работать с Советом молодых ученых РОП. Вы говорите: «Я ей пишу в 3 ночи. Думаю, утром прочтет, а она уже в 3:15 отвечает. Так и работаем». Стажировка в Израиле у профессора Хаима Белмейкера с Тимуром Сюняковым, знакомство с профессором Асеном Жабленским в Суздале, выигранный грант на исследовательский проект в Австралии. С Вашей легкой руки, словно, по ангельскому благословию, горизонты многогранной судьбы открывались один за другим. И это цунами нашей

работы с 2010 года — море проектов, лекций, семинаров, симпозиумов, конгрессов, статей, глав, дискуссий, — не остановить. *Unstoppable*. Скоро опубликуются еще и еще, все томятся в издательствах, мы рядом и вместе в соавторстве. Объединенные общим вдохновением. Действуем.

ДОБРОТА. ЛЮБОВЬ. ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

Вы спрашиваете: «Вот ответь мне на такой вопрос. Что важнее? Быть добрым или умным? Ну вот что бы ты выбрала?». Я говорю, смеясь: «Видимо, я не очень умная, но я бы, конечно, выбрала быть доброй. Не хотела бы повстречать жестокого гения». «И я также думаю», — говорите мне Вы.

Смотрю на Ваш телефон с фотографией дочери Анны на заставке, слушаю теплые слова заботы о семье, о сыне Денисе, о том, как хочется в удовольствие позаниматься английским с внучкой, которая забега-ет к Вашему рабочему столу, и о том, что еще столько гор нужно свернуть со Всемирной психиатрической ассоциацией. Вы должны быть чем-то немного не довольны, и потому создаете, делаете лучше, защищаете, рисуя в деталях целую неповторимую эпоху, свой, потрясающий достижениями и событиями, век. Идейность, которая мирно сосуществует с достоинством и уважением.

Видимо, это было в странном сне, звонил профессор Афзал Джавед из Британии и говорил: «Я не могу поверить. Я любил его. Для меня это личная утрата, мы столько общались, я считаю Питер мне как брат». Я ответила: «А мне — как отец. Мы все его очень любим», — сказала это, не претендуя на большое, но чувствуя так сильно.

Просыпаюсь к электронной почте. В Вашем письме все на месте — цифровой след: «С симпатией, П.В.» На сайте международного центра нейропсихиатрии в разделе «Наша команда» у Вашей фотографии *senior advisor Professor Petr Morozov* размещаем: *Dear Prof. Peter, you are always with us! We love you forever.* Так есть и будет.

На последней странице Вашей книги вычитываю: «Звучит песня “Где же счастье?”. Справа... в его тени, плывет вместе с ним чей-то смутный контур. Или нам все это кажется?.. На этом длинном проходе идут финальные титры. 30 августа 2019 – июль 2020, Москва — Никольское, Петр Морозов». («Свихнулся век», П.В. Морозов, 2022, с. 87)

Такое счастье!.. — знать Вас, мой дорогой и лучший учитель. Люблю вечно, обнимаю крепко, обязательно встретимся.

C'est la vie. Heartbeating.

*Sincerely yours, всегда Ваша,
Даша*

Денис Петрович Морозов

Медицинский менеджер, Департамент по операционной деятельности А.О. Сервье, Москва, Россия

Анна Петровна Морозова

*Управляющий партнер, агентство «Кофактор»,
Москва, Россия*

БЕСЕДЫ С ПАТРИАРХОМ

Много лет назад в нашей семье была заведена традиция — мы собирались всей семьей вместе раз в неделю, обычно в будний день вечером: родители, сестра с мужем и я. Папу в семье все называли Патриархом, как главу семьи. Сначала местом нашего сбора была квартира родителей. Папа очень любил готовить и, когда у него хватало свободного времени, обязательно к этим встречам, что-нибудь творил на кухне. Причем блюда были простые, но всегда очень вкусные: борщ, стейки из говядины, индейка с его фирменными клюквенно-брусничным соусом, даже суп «из топора», и многое другое. Все мы готовились к этим встречам, т. к. для нас это была радость обще-

П.В. Морозов с семьей

© Фото из личного архива Д.П. Морозова

ния и обмена мнениями по самым разным вопросам, ну и, конечно, для родителей увидеть, наконец-то, детей. Патриарх невероятно тепло и внимательно со всеми общался по очереди и вместе. Мы могли обсуждать абсолютно любые темы: от классификации DSM-V и последних новостей с международных конгрессов до того, какие нужно ставить фары на новую машину Андрея, мужа сестры, или какой красивый гол забил в чемпионате Бразилии по футболу.

Потом эти встречи плавно переместились в один небольшой московский ресторан, где мы все вместе собирались после работы по вторникам, отказы из-за загруженности не принимались в качестве «оправдания» неявки, исключением были командировки кого-то из участников. К этому времени ритм жизни у всех интенсифицировался, Папа много путешествовал в рамках своей работы, и у него был огромный поток информации, контактов, проектов, новых знакомств. Мы собирались и впитывали каждую новость, которой Патриарх с нами делился, обсуждали, порой даже спорили, о том, как можно было сделать лучше. Каждая поездка, каждое событие рождало в его голове идею, она могла быть связана как с работой, так и с домом или его творчеством. Особое место в его сердце всегда занимала Суздальская школа, в которую Папа всегда вкладывал все свои физические и творческие силы, душу и любовь. Он просто ее обожал, мы могли часами это обсуждать, начиная от особенности организации, номеров в турцентре, заканчивая тонкостями научной программы, тем для представления и заготовок к конкурсам. Папа очень любил общаться с молодежью и всегда находил с ними новые идеи для дальнейшей реализации. Особым удовольствием было его отвезти домой из ресторана или забрать с дачи, когда можно было насладиться личным общением с Патриархом.

После рождения внучки мы немного изменили формат встреч и место проведения: все вместе мы стали собираться раз в месяц у меня дома днем по воскресеньям. Любовь к приготовлению пищи мне передалась по наследству, поэтому Патриарх назвал этот формат «семейный обед». Теперь все внимание Патриарха было переключено на Юлиану. Он играл с ней в футбол, играл на гитаре, пел для нее песни, читал книги, просто играл. Папа находил такие формы общения с ней, которые всегда ее интересовывали и вызы-

П. В. Морозов с семьей — его жена и дети, 1985 © Фото из личного архива профессора Нормана Сарториуса

вали очень живую реакцию. Ну а когда она засыпала, мы продолжали беседовать и обсуждать. Т.к. семейные встречи стали не такими частыми, Папа особенно их ждал, всегда приносил с собой что-то новое и делился с нами: журнал или книга, статья или интервью, новый проект или идеи, и мы продолжали все это обсуждать. Порой я просто не понимал, как он все успевает сделать и держать столько информации, он жил, как поется в его песне «на всю катушку!»

Мы могли с Папой обсуждать любые вопросы, в любое время, он во всем нас поддерживал и старался помочь разобраться и найти оптимальное решение по самым разным вопросам.

Спустя месяц после несчастья, Юлиана пришла к своей маме с рисунком со словами: «Мама, передай, пожалуйста, дедушке», Аня объяснила, что не сможет этого сделать уже, на что внучка парировала: «А ты поверни рисунок на небо, дедушка увидит и обрадуется». И это ей еще нет 4-х лет, как говорил Патриарх: «Генетика — страшная вещь!».

А мы с сестрой приходим регулярно к Папе и продолжаем обсуждать и беседовать... И так теперь будет всегда....

ПАПА-ПАТРИАРХ — МЫ ТЕБЯ ОЧЕНЬ ЛЮБИМ!

Твои дети.